

Поляков Евгений Михайлович

кандидат политических наук,
преподаватель кафедры социологии
и политологии
Воронежского государственного университета
dom-hors@mail.ru

Polyakov Evgeniy Mikhaylovich

PhD in Political Science,
Lecturer of the Social and Political
Sciences Department,
Voronezh State University
dom-hors@mail.ru

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация:

В статье рассмотрены основные тенденции демографических изменений в современной России, включая внешнюю миграцию, перспективы изменения трудовых ресурсов и порождаемые этими процессами проблемы.

Ключевые слова:

миграция, медианный возраст, трудовые ресурсы.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN MODERN RUSSIA

The summary:

The article describes principal tendencies of demographic changes in contemporary Russia, including external migration, prospects for human resources alterations and problems caused by these processes.

Keywords:

migration, median age, human resources.

За последние 20 лет Россия столкнулась с двумя важными демографическими проблемами: снижением численности населения и неконтролируемой миграцией больших групп людей (как внешней, так и внутренней). В ряде регионов страны миграция позволяет компенсировать падение рождаемости и рост смертности и не порождать снижения численности населения. В других же даже приезд не в силах сохранить численность населения на прежнем уровне. Особняком стоит ряд территорий, численность населения которых растет или сокращается почти исключительно за счет миграции (например, Московская и Магаданская области соответственно).

Внутренняя миграция, на долю которой в 2000-е гг. приходилось в среднем 80–85 % прибывших мигрантов и более 90 % выбывших (рекордная доля – 97,28 % – зафиксирована в 2006 г.) [1, с. 422], имеет три особенности.

1. Во-первых, четко выраженные географические векторы миграционных процессов, важнейшие из которых три: восток – запад, юг – центр и запад – центр. Во второй половине 2000-х гг. наметились «миграционные ручейки» центр – север и юг – север, но они заметно слабее первых трех и не могут переломить тенденцию депопуляции так называемых «северов».

Такой важнейший показатель, как коэффициент миграционного прироста (миграционный прирост за год на 10 000 человек населения), находится в стабильном минусе все последнее десятилетие в Сибири и на Дальнем Востоке и в плюсе – в ЦФО. Рекордные значения дают Белгородская и Московская области и г. Москва (плюс 48–111) и Магаданская, Читинская и Амурская области, Камчатка, Чукотка, Бурятия (минус 25–139 и даже более).

Кроме того, внутренние миграции в конце 2000-х гг. приобретают тенденцию к концентрации в рамках европейской части России: все большее число мигрантов в рамках того или иного региона «появляется» из других частей соответствующего региона (исключение – Поволжье) [2, с. 445– 458].

Таблица 1

Концентрация внутренней миграции (1=100 %)

Округ/Год	2000	2005	2006	2007	2008
ЦФО	0,676 133	0,676 129	0,661 627	0,663 978	0,659 868
СЗФО	0,708 703	0,685 932	0,670 879	0,674 239	0,666 293
ЮФО	0,782 524	0,772 933	0,769 564	0,767 240	0,771 593
ПФО	0,797 354	0,822 183	0,821 662	0,826 516	0,816 844

Донорами для внутренней миграции выступает Зауралье, Поволжье и Кавказ, реципиентами – Центр, Север и в меньшей степени Урал (см. табл. 2). Территории-доноры имеют меньшую долю городского населения (около 75 %, 70 % и 58 %), чем реципиенты (около 81 %, 82 % и 80 % соответственно).

Это означает, что мигрантам довольно часто приходится менять образ жизни, переезжая из села в город. Смена ареала обитания и этнического окружения является питательной базой для различного вида и уровня социальных конфликтов.

Таблица 2

Превышение числа въехавших мигрантов над числом выбывших по федеральным округам и годам (внутренняя миграция), чел. [2, с. 460]

Округ/Год	2000	2005	2008
ЦФО	73 913	77 768	91 002
СЗФО	-1617	3223	9576
ЮФО	-12 619*	-6163	-9308
ПФО	-2614	-20 656	-31 997
УФО	1601	-12 886	-6666
СФО	-22 424	-25 667	-26 377
ДФО	-36 552	-22 265	-26 210

*Из-за военных действий в Дагестане и Чечне.

2. Во-вторых, половозрастные различия миграционных потоков. Сибирь и Дальний Восток, теряя молодежь и население среднего возраста, лишается столь необходимых для освоения «северов» рабочих рук, но увеличивает *долю* работоспособного населения. Центр страны сталкивается с противоположной картиной (*рост численности* работоспособного населения на фоне снижения его *доли* в населении).

Регионы, потерявшие максимум населения (если говорить о долях, а не абсолютных цифрах) – Чукотка, Читинская и Магаданская область, имеют медианный возраст 32,9, 36,3 и 34,6 года, а регионы, испытывающие наплыв мигрантов – Белгородская и Московская области, – 40,0 и 40,3 года соответственно.

Медианный возраст всего населения России за 1999–2009 гг. увеличился с 36,9 до 38,8 года, т. е. в конце 1990-х – начале 2000-х Россия имела тот же «возраст», что имеет сейчас население Сибири и Дальнего Востока (36–37 лет). Таким образом, страна «стареет» не только во времени, но и в пространстве, т. е. с востока на запад.

Таблица 3

Географический тренд старения населения России*

Федеральный округ	Медианный возраст населения, годы
Дальневосточный	36,5
Сибирский	37,3
Уральский	37,6
Приволжский	38,9
Северо-западный	39,7
Центральный	40,9

*Несколько особняком стоит Юг России (37,1), но это объясняется фактором внешней миграции и очень высоким естественным приростом у некоторых коренных народов региона (чеченцы, аварцы, ингуши и др.).

Разница в возрасте между Центром и Дальним Востоком, равняющаяся 4,4 года, заметно превышает разницу между медианным возрастом населения России за период 1990–2009 гг. (она равняется 3,9 года). Образно выражаясь, за 20 лет Россия постарела меньше, чем за 11 тыс. км.

3. В-третьих, изменение численности этнических групп. Разумеется, этот фактор более заметен во внешней миграции, но и для внутренней миграции он тоже важен. Здесь два ключевых региона – Северный Кавказ и Дальний Восток. В последнее десятилетие в ряде регионов России произошли столкновения на межэтнической почве с участием выходцев из северокавказских республик.

Сопоставление данных переписей 1989 и 2002 гг. позволило выявить интересную тенденцию: в ряде территорий Северного Кавказа почти исключительно в результате внутренней миграции (влияние внешнего фактора находится в пределах статистической погрешности) произошла концентрация этносов на своих землях [3, т. 4, кн. 1, с. 114–133].

Таблица 4.1

**Этническая концентрация на Северном Кавказе,
% от общей численности этноса в пределах России***

Год/Этнос	Ингуши	Чеченцы	Осетины	Даргинцы	Лезгины	Кумыки	Аварцы
1989	76,14	81,70	83,25	79,36	79,44	83,63	91,19
2002	88,12	82,86	86,49	83,41	81,81	86,60	93,12
Прирост	11,98	1,16	3,24	4,05	2,37	2,97	1,93

* В качестве исконной земли рассматривалась территория, принадлежащая республике, в которой данный народ – титульная нация, поэтому для ингушей и чеченцев за 1989 г. указаны данные по ЧИ АССР, а для чеченцев за 2002 г. – с учетом беженцев в Ингушетии.

Процесс этнической концентрации характерен и для Сибири и Дальнего Востока:

Таблица 4.2

**Этническая концентрация в Сибири и на Дальнем Востоке,
% от общей численности этноса в пределах России [4]**

Год /Этнос	Якуты	Тувинцы	Хакасы	Буряты*	Алтайцы
1989	96,05	96,26	86,51	59,78	92,16
2002	97,40	96,66	88,31	61,30	92,49
Прирост	1,35	0,40	1,80	1,52	0,33

* Данные по Бурятии.

Все эти народы (кроме алтайцев, подвергающихся сильной ассимиляции русскими) увеличили свою численность (как общую, так и внутри республик) за межпереписной период (1989–2002). Это значит, что увеличение численности того или иного этноса в рамках этнической территории шло быстрее, чем вне нее, и даже сильный миграционный отток (например, у чеченцев и якутов) не переломил эту тенденцию.

Нечто подобное произошло с большинством народов на постсоветском пространстве в начале 1990-х гг., когда миграции между союзными республиками приводили к «этнической концентрации» титульных народов в пределах их национальных государств. Переходя к внешней миграции, стоит отметить, что этой тенденции не избежали и русские.

Несмотря на «русский крест» (отрицательный естественный прирост) с 1992 г., к началу 1993 г. численность населения страны достигла исторического максимума –

почти 149 млн чел. Затем к началу 1994 г. опять сократилась на 205,8 тыс. чел. (0,14 %) и снова возросла к 1 января 1995 г. на 104 тыс. чел., или 0,07 %. Лишь с 1995 г. окончательно утверждается тенденция к сокращению численности населения, продолжавшаяся до 2009 г. [5, с. 8].

Разумеется, такие демографические «русские горки» объяснимы на фоне резкого снижения рождаемости только внешним миграционным приростом. К середине 1990-х гг. приток мигрантов прошел свой максимум, а убыль населения только набирала обороты.

К сожалению, в нашем обществе укрепилась точка зрения, что большинство прибывающих в страну мигрантов представляют некоренное для России население. Факты говорят обратное. За 1990–2002 гг. превышение смертности над рождаемостью составило 7218 тыс. чел., большая часть которых пришлась на русский народ (около 5,8 млн чел.).

Однако численность русских за межпереписной период сократилась примерно на 4 млн чел. Следовательно, минимум 1,8 млн чел. из 5,2 млн чел. миграционного прироста составили этнические русские. Следует отметить, что это именно миграционный прирост, т. е. превышение числа въехавших русских над числом выехавших, – всего же в Россию прибыло более 4,5 млн русских.

Есть данные, показывающие, что даже после прекращения замещающих миграций между странами СНГ (в первую очередь между Россией, Украиной и Казахстаном), основная масса внешних мигрантов весь межпереписной период состояла из русских и других народов России. Так, в 2000–2005 гг. доля русских в миграционном приросте составляла 56,1 % – 76,4 %, а вместе с другими народами России – 62,8 % – 89,0 %.

Лишь в последние годы этнический состав мигрантов значительно изменился, что связано с выездом на историческую родину основной массы имевших возможность уехать русских и появлением массы гастарбайтеров. Тем не менее даже сейчас русские составляют относительное большинство.

Основную массу миграционного прироста России (около половины) обеспечивают Узбекистан, Украина и Казахстан. Если говорить об этнической компоненте, то порядок будет несколько иным: около двух третей русских приезжают из Казахстана, Узбекистана и Украины. Так, за 2007 г. на долю этих стран пришлось 28,28 %, 26,06 % и 19,94 % от общего числа миграционного прироста русских в Россию [6, с. 510–513].

Казахстану принадлежит и первенство по доле русских от общего числа мигрантов из той или иной постсоветской республики – 73,45 %. Более половины миграционного прироста из Латвии, Эстонии и Туркмении также составляют русские. Узбекистан и Украина сильно отстают, давая результаты на уровне 39,05 % и 37,99 %. Если же говорить о приросте титульных народов республик, то здесь лидерство принадлежит Армении, Беларуси, Азербайджану и Таджикистану – 71,67 %, 68,54 %, 64,82 % и 50,15 % миграционного прироста в Россию из этих стран составляют автохтоны.

Столь подробное рассмотрение внешней миграции применительно к постсоветскому пространству обусловлено тем, что основная масса миграционного прироста порождена нашими бывшими соотечественниками, а со странами дальнего зарубежья миграционный обмен невелик и носит отрицательный характер [6, с. 472–477].

Если суммировать данные по внешнему миграционному приросту населения, то можно выделить 4 основных блока миграционных потоков, условно обозначив их по частям света:

- север (Эстония, Латвия, Литва),
- запад (Украина, Молдавия, Белоруссия),
- юг (Армения, Азербайджан, Грузия),
- восток (Казахстан и республики Средней Азии).

Таблица 5

**Миграционный прирост по региону и этничности
от общего числа мигрантов, 2007 г. [7, с. 95–111]**

Мигранты	Север		Запад		Юг		Восток		Итого
	Абсолютные цифры, тыс. чел. / доля от миграционного прироста								
Русские	612	0,78	18,982	24,32	3,082	3,95	55,364	70,94	78,040
Всего	1105	0,45	55,145	22,63	59,628	24,47	127,770	52,44	243,648

Таким образом, мы видим, что основной поток мигрантов идет с востока как по абсолютным цифрам, так и по доле русских относительно их общего миграционного прироста. Большая часть миграционного прироста русских происходит за счет мигрантов с востока и запада (95,26 %), однако в общей доле миграционного прироста второе место принадлежит югу. Учитывая, что с запада едет много русских и с течением времени их поток будет ослабевать, с высокой долей вероятности можно предположить увеличение роли юга в миграционном приросте при незначительных изменениях доли востока.

В завершение обзора общероссийских миграционных тенденций следует отметить, что надежда на миграцию как средство борьбы с депопуляцией страны не вполне оправдана. Хотя превышение смертности над рождаемостью («русский крест») в России отмечено впервые 1992 г., а благодаря внешней миграции население стало сокращаться с 1995 г. (см. выше), основания для депопуляции возникли за несколько десятилетий до того.

Важнейшие показатели для воспроизводства населения – суммарный коэффициент рождаемости и чистый коэффициент воспроизводства населения (нетто-коэффициент) – в последний раз были больше необходимого в 1961–1962 гг. (2,417 и 1,095); незначительное по времени «оживление» этих показателей в 1986–1987 гг. до уровня 2,194 и 1,038 не смогло переломить ситуацию. В 1993–2008 гг. эти показатели не поднимались выше 1,494 и 0,709 соответственно. Максимальное значение они имеют только в республиках Алтай, Тыва и Чечня (только в них эти коэффициенты выше необходимого минимума), худшие показатели у регионов ЦФО, отрицательный рекорд – 1,244 и 0,592 – принадлежит Тульской области [7, с. 113–117].

Таким образом, мигранты могут решить проблему с нехваткой трудовых ресурсов на ближайший период (15–20 лет), но на более длительный промежуток времени они вызовут потребность в еще большем числе дополнительных трудовых ресурсов, чем Россия испытывает сейчас. Чем больше страна «впитывает» мигрантов сейчас, тем больше будет потребность в подобном «допинге» в будущем, а покрыть эту потребность можно будет только за счет народов, проживающих за пределами России.

Ссылки:

1. Демографический ежегодник России. 2008 : стат. сб. / Росстат. М., 2008.
2. Демографический ежегодник России. 2009 : стат. сб. / Росстат. М., 2009.
3. См. подробнее: Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2005.
4. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.xls (дата обращения: 12.02.2012).
5. Население России 2007 : Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский ; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М., 2009.
6. Демографический ежегодник... 2008. М., 2008.
7. Демографический ежегодник... 2009. М., 2009.

References (transliterated):

1. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2008 : stat. sb. / Rosstat. M., 2008.
2. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2009 : stat. sb. / Rosstat. M., 2009.
3. See for more information: Osnovnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda. M., 2005.
4. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Natsional'niy sostav naseleniya po regionam Rossii. [Electronic resource]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.xls (date of access: 12.02.2012).
5. Naselenie Rossii 2007 : Pyatnadsatyi ezhegodniy demograficheskiy doklad / ex. ed. A.G. Vishnevskiy ; Gos. un-t Vysshaya shkola ekonomiki. M., 2009.
6. Demograficheskiy ezhegodnik... 2008. M., 2008.
7. Demograficheskiy ezhegodnik... 2009. M., 2009.